

Время одуванчиков

Юрий Нестеренко

*Dieses Mädel ist mein treues Schätzelein
Und mein Glück, Erika.*

Hermes Niel

Было около двух часов пополудни — время, когда от утренней майской прохлады давно не осталось и следа, но до вечера еще далеко, и так хочется верить, что этот чудесный, наполненный теплом и светом день не кончится никогда.

Небо было ясным и чистым от горизонта до горизонта, если не считать пары легкомысленных перистых завитков, серебрившихся в вышине; казалось, что эти облачка находятся выше солнца и не смогли бы помешать ему сиять, если бы и захотели. Даже самый легкий ветерок уснул в кронах деревьев, и в неподвижном воздухе, вместе с ароматами трав и полевых цветов, разлито было ощущение покоя и какой-то светлой надежды. В листве рощи негромко посвистывали и шелкали птицы; в луговой траве монотонно звенели кузнечики. Все эти звуки скорее подчеркивали мирную тишину, нежели нарушали ее.

Вдруг со стороны рощи донесся еще один звук, куда менее деликатный и гармоничный. Это был рев могучего дизельного мотора — мотора, который вряд ли поставят на обычную легковушку и даже на мощный внедорожник. Скорее уж, на армейский броневик. Впрочем, и этот грубый звук почти сразу замер за деревьями, словно устыдившись собственной неуместности. Что-то глухо стукнуло — возможно, захлопнувшаяся крышка люка, — и вновь наступила тишина.

Прошло еще несколько минут, и из рощи вышел мужчина лет пятидесяти, среднего роста, однако статной подтянутости его фигуры могли бы позавидовать многие молодые парни; этой статности не портил даже бронжилет, очертания которого угадывались под черной униформой. На плече у мужчины висел короткий полицейский автомат, снятый с предохранителя. Волосы, стриженные очень коротко, еще недавно были черными, но теперь обрели стальной оттенок, а на висках почти совершенно побелели; резкие волевые черты гладко выбритого лица так и просились на армейский плакат — если бы в уголках губ, в мешках под глазами, в выражении глаз не проступало сквозь всю плакатную мужественность ощущение тяжелой, безнадежной усталости. Впрочем, что бы ни ощущал этот человек в глубине души и как бы мало ни довелось ему спать за последнее время, он не позволял ни физической, ни моральной слабости взять над собой верх. Выйдя из-под прикрытия деревьев, он окинул открытое пространство цепким взглядом профессионала, не снимая руки с оружия, и, лишь

ФАНТАСТИКА

убедившись, что никакой опасности нет, полуобернулся назад.

— Все в порядке, Эрика. Иди сюда.

Из-за деревьев вышла худенькая девушка с длинными, пшеничного цвета волосами, без всяких следов косметики на лице. Ее облачение было вполне цивилизующим: свободная темно-зеленая футболка с эмблемой университета, джинсы и сандалии на босу ногу; однако и у нее на поясе висел пистолет в расстегнутой кобуре.

Но, в отличие от своего спутника, девушка не думала об оружии. Едва она оказалась на открытом пространстве, глаза ее восторженно распахнулись. Перед нею раскинулся луг... да что там луг — настоящее море молодой, свежей, сочно-зеленой травы. Далеко впереди луг переходил в склон оврага, в глубине которого тек невидимый отсюда ручей, влево же и вправо конца зеленому морю и вовсе не было видно. И повсюду в этой траве, словно бесконечная золотая россыпь, словно бесчисленные отражения солнца, горели ярко-желтым огнем одуванчики. Не городские недорослики, чудом избежавшие ножей газонокосилок, а полные жизненной силы цветы на высоких упругих стеблях, вольно распустившиеся мягкими желтыми полусферами, а некоторые, от избытка энергии, чуть не вывернувшие наизнанку нижние лепестки — и вовсе почти что шариками. Повсюду, насколько хватало глаз...

— Ну как? — улыбнулся мужчина, глядя на свою спутницу.

— Спасибо! — восхищенно произнесла она, шагнув в траву. — Ты же знаешь, как я люблю одуванчики.

— Знаю. — Он улыбнулся еще шире. — Я ведь обещал тебе сюрприз.

— Это, наверное, одно из самых радостных зрелищ на свете... Знаешь, я, кажется, не рассказывала тебе об одном из лучших воспоминаний моего детства? Это не какая-то история, не поездки на море, не Диснейлэнд, не день рождения — тем более что, сам знаешь, он у меня в ноябре... А просто за нашей старой школой был пустырь. Там когда-то была спортивная площадка, причем заасфальтированная. Потом построили новую, огороженную, с более подходящим покрытием, с разными снарядами — мы туда на физкультуру ходили, ну и после школы мальчишки часто там играли. А на старую площадку никто не заглядывал, там одно только ржавое баскетбольное кольцо осталось с краю, и все. А я любила приходить туда одна, когда тепло. Наверное, именно потому, что там больше никто не бывал... Вокруг все зарастало травой, и если присесть на корточках, то кажет-

ся, что вокруг прямо джунгли, можно представить, что и школа, и город где-то далеко... И не только вокруг. Этот старый асфальт во многих местах трескался, вспучивался, и сквозь него пробивались одуванчики. Помню, как это поразило меня, когда я увидела их в первый раз. Асфальт, твердый как камень, об который разобьешь коленку до крови, если упасть, — и тонкий, нежный росток, который оказывается сильнее... А потом они расцвели. И вот я помню это ощущение: теплый солнечный день, старый нагретый асфальт — шершавый, ноздреватый, кое-где покрытый сухим мхом — вокруг травы всякие, где тонкие и гладкие, где с узорчатыми листьями... бабочки порхают, жуки выползают погреться — и одуванчики. Желтые, пушистые, растущие сквозь асфальт... а впереди еще — целое лето! Вот. Не знаю, была ли я когда-нибудь счастливее, чем тогда. Не бурная радость от какого-то конкретного события, а просто ощущение спокойного счастья, которое наполняет тебя так же естественно, как солнечный свет наполняет их лепестки. Я, наверное, плохо умею это объяснить...

— Ты очень хорошо объясняешь.

— Всегда больше всего любила это время. Время одуванчиков. Боялась, что в этом году их уже не увижу. Мы с тобой так давно не были на природе! Эта твоя вечная работа...

— Кто-то же должен ее делать.

— Но теперь-то!

— В особенности теперь.

Девушка печально вздохнула:

— У меня была тайная надежда, что ты наконец-то решился послать ее к черту, и мы будем вместе хотя бы в эти дни. Значит, нет?

— Давай не будем об этом. Будем наслаждаться сегодняшним днем.

— Хорошо, — согласилась Эрика. — Будем наслаждаться.

Она остановилась, сняла сандалии и зашвырнула их далеко вперед, должно быть, не желая нести в руках. Несколько раз кувырнувшись в воздухе, они упали на приличном расстоянии друг от друга.

— Смотри — в такой густой траве потом замучаешься искать, — запоздало заметил мужчина.

— Значит, поеду обратно босиком, — беспечно ответила девушка, с удовольствием шагая по мягкой зелени. — Какое значение теперь имеют все эти шмотки? Это только ты готов оставаться в мундире до самого... — Она замолчала.

— В городе сейчас много битого стекла. И разного прочего мусора.

— Да уж видела! От машины до квартиры как-нибудь доберусь. Хотя лучше бы нам вообще не возвращаться в город. Надо было взять с собой побольше еды и остаться здесь. Многие сейчас так и делают.

— Возможно, ты и права, — неожиданно легко согласился он. — Вообще-то в броневике есть все необходимое.

Она обернулась к нему, глядя радостно и недоверчиво одновременно:

— Ты серьезно?

— Ну... надо же когда-то и мне подать в отставку. —

Он вновь попытался улыбнуться, но улыбка вышла крикливоватой.

— А я-то думала — как это твой Макс отпустил тебя?

— Макс не знает.

— Так это правда? Мы не поедem обратно? Что ж ты сразу не сказал?

— Ну... хотел сделать сюрприз.

— Сегодня прямо день сюрпризов! — она радостно засмеялась и вдруг повисла у него на шее, поджав ноги и болтая ими в воздухе. Он тоже обнял ее и закружил.

— Как хорошо! — воскликнула Эрика, снова спрыгивая на траву. — Значит, у нас еще три дня! Три дня солнца, тепла и одуванчиков.

— Да, — кивнул он, — метеосводки обещают, что такая погода сохранится всю неделю.

Лишь произнеся это вслух, он осознал нелепость своих слов. Но поправляться, конечно, не стал.

Рука девушки наткнулась на кобуру. Эрика просительным взглядом посмотрела на своего спутника.

— Забрал бы ты у меня эту штуку, а? Ну кто здесь на меня нападет? Мы уже отошли достаточно далеко от леса, никто не подберется незамеченным.

— Ладно, — скептически согласился он, окидывая взглядом отделившее их от деревьев расстояние.

Вообще-то он не думал, что кто-то может нарушить их уединение: на обычной машине сюда не проехать, только на тракторе или армейском броневездеходе, хотя и такую технику сейчас можно добыть. Сейчас можно добыть все, что угодно, причем без всяких денег. Вековая мечта человечества!.. Но вообще, как известно, бережного... Ладно. Достаточно того, что он сам вооружен. Он протянул руку и принял у девушки оружие, по старой полицейской привычке подвесив пистолет себе под мышку. Это был его пистолет, и он сам учил Эрику стрелять.

Она поскакала через луг вприпрыжку, взмахивая руками, словно пытаясь взлететь. Ее спутник, не торопясь, пошел следом. Взгляд при этом не переставал сканировать окрестности, а слух — ловить возможный звук двигателя или стрельбы. «Расслабься, — сказал он себе. — Здесь никого нет. Мы просто гуляем».

Он подошел к Эрике, когда она остановилась, поджидая его. Стоя на одной ноге, она легко поглаживала другой ногой пушистые головки одуванчиков. Ей нравилось, как нежные лепестки щекочут подошву.

— Такие красивые, и так быстро отцветают. Знаешь, мне всегда становилось грустно, когда они белеют. Словно лето уже заканчивается, а оно ведь только началось. Впрочем, в этом году они, наверное, не успеют.

— Не надо об этом, — произнес он.

— Да нет, я к тому, что во всем можно найти что-то положительное. — Она уселась в траву, затем легла, раскинув руки, вся окруженная одуванчиками. Щурясь от солнечного света, девушка смотрела в небо и улыбалась. Но теперь в ее улыбке проглядывала печаль.

Мужчина присел рядом и тоже устремил взгляд в синеву. Его взгляд, впрочем, не был праздным, он, как всегда, выискивал опасность. Охота на людей с вертолетов нынче стала популярным развлечением, во всяком случае, в соседних странах. Но в винтокрылой машине не

так трудно перемахнуть границу, которая, признаемся честно, уже почти не охраняется... Но на небе не было ничего, кроме солнца. В принципе на таком расстоянии Танатос уже мог быть хорошо виден и в дневное время, но он приближался из глубин Солнечной системы с противоположной Солнцу стороны.

— Неужели совсем ничего нельзя сделать? — вздохнула Эрика. Похоже, она так и не могла отогнать от себя эти мысли. Да и кто теперь мог?

— Ты же знаешь, что нет, — произнес он. — Эта дрянь слишком большая. Даже все земные запасы ядерного и обычного оружия... Даже будь у нас достаточно ракет для их доставки...

— Знаю. Но все равно не могу поверить. Мне все кажется, что в последний момент найдется какая-то ошибка в расчетах. Глупо, да? Это же задача уровня средней школы, где тут ошибиться!

Он не ответил.

— Как это будет? — спросила она. Вообще-то такой вопрос подробно освещался в десятках статей, пока Чрезвычайный Комитет не ввел жесткую цензуру, но Эрика до последнего избегала их читать.

— Как? Быстро.

— Я не об этом. Земля действительно будет уничтожена целиком?

— Земля как планета, скорее всего, останется, — хотя начал объяснять он. — В момент удара она расплавится и потеряет изрядную часть массы — в основном за счет оторвавшихся кусков или, точнее, капель. Но потом все это снова застынет. И как знать, может быть, через миллиарды лет здесь опять возникнет атмосфера, а затем и жизнь. Если оставшейся массы будет достаточно. Считается, что когда-то именно в результате такого столкновения появилась Луна. Сейчас просто замыкается цикл.

— Но от нас не останется ничего. Совсем ничего.

— Ну почему? Лучшие достижения человеческой культуры будут сохранены на гелиоцентрических спутниках. Проект «Ковчег»...

Она посмотрела на него, как тинэйджер, которому говорят про Санта Клауса:

— Проект «Ковчег» провалился. Он требовал тесной международной координации. А власть во многих странах рухнула раньше, чем они успели согласовать списки. Большинство музеев разграблено, а космодромы разрушены.

— Откуда ты это взяла? — удивился он.

— Видела отчеты в Интернете, пока он еще работал.

— Нечего сказать, достойный источник!

— Люди выкладывали то, что сами видели и снимали. В том числе, сами вандалы. Еще хвалились этим, уроды. Ролик, где ломали и жгли «Джоконду», был одно время первым по популярности на «Ютубе»... там тогда уже не осталось модераторов, но сервис еще работал. Ты что, действительно не знал, что это было в открытом доступе?

— Интернет не в моем прямом подчинении. Мое дело, в первую очередь обеспечивать порядок на улицах. Мне, конечно, докладывали, что мы взяли под контроль наших провайдеров...

ФАНТАСТИКА

— Это уже не имело смысла. Интернет фактически распался на множество отдельных сетей, где роль провайдера мог выполнять чуть ли не любой желающий с достаточно мощным компьютером и «толстым» каналом. Весь необходимый софт почти сразу оказался в свободном доступе.

— М-да... — Он неловко помолчал, понимая, что дальше отрицать факты бессмысленно. — А ты еще спрашиваешь, зачем теперь нужна моя работа.

— Для того, чтобы скрывать от людей правду?

— Для того, чтобы не допускать этой вакханалии варварства.

— Но она все равно происходит.

— У нас ситуация еще достаточно благополучна. В иных странах уже много дней идет сплошная кровавая оргия. Ни властей, ни полиции, ни армии. Убивают и насилуют прямо на улицах, а если кто и вмешивается, то лишь затем, чтобы поучаствовать. Охотятся на врачей, пытаются их, требуя наркотиков, хотя все нарко- и спиртосодержащее давно разграблено. Пытают и истязают просто так, жгут дома вместе с жителями, жрут человечину, крушат и обгаживают все, что не могут унести... Прости, — спохватился он, — я не должен говорить тебе об этих подробностях. Давай лучше об одуванчиках.

Девушка села, подтянув колени к груди и положив на них подбородок. Ее взгляд скользил по солнечным цветам, но не видел их.

— У нас тоже убивают на улицах, — сказала она, помолчал. — Без суда и следствия. Не далее как сегодня я видела это дважды.

— Да, — с нажимом произнес он, — мои люди расстреливают на месте насильников и мародеров. Ты ведь понимаешь разницу?

— Понимаю, — пробурчала Эрика. — За насильников, конечно, вступаться не буду, но мародеры... Какой смысл сейчас убивать людей ради защиты собственности? Все равно через три дня ничего этого...

— Люди не очень-то достойно жили на этой планете, — сказал мужчина. — Так пусть хотя бы достойно умрут.

— Это правда, что всех заключенных в тюрьмах расстреляли по твоему приказу? — И она вопросительно посмотрела на него.

— Это ты тоже в Интернете вычитала?

— Марта сказала. А она узнала от отца. Он тогда сильно напился, после исполнения приказа, ну и проболтался. Она долго не хотела мне говорить.

— Ну, во-первых, не расстреляны. В систему вентиляции подали газ. Ночью. Они умерли, не успев ничего понять. В каком-то смысле им повезло больше, чем нам.

Хотя где-то в провинции, возможно, и расстреливали, подумал он. Если сочли, что это проще. Или если у них не было под рукой газа... В нынешней ситуации даже он не поручился бы, что его приказы по-прежнему исполняются в точности.

— Ну что ты молчишь? — произнес он. — Ты меня осуждаешь? Это были преступники, не забывай. И не так уж много я у них отнял — меньше месяца жизни.

— Убийцы и все такое, это понятно, — откликнулась Эрика. — Но вообще всех? Даже тех, кто сидел за мелкую кражу? Пусть им все равно оставалось жить меньше месяца, но, наверное, и этот месяц был им дорог.

— Ну а куда бы мы их дели? Выпустили на свободу? Ты пойми, в теперешнем положении нельзя давать свободу тем, кто уже доказал, что может нарушить закон. Пусть даже не самый строгий закон, но одно дело — нарушить его в ситуации, когда государство сильно, жизнь благополучна и общество стабильно. На что бы они оказались способны в теперешней ситуации, когда все рушится? В некоторых странах таких, кстати, выпустили, и... о результатах я уже говорил. И еще: оставить их за решеткой тоже было нельзя. Кто бы стал сторожить преступников до самого конца? Как удержать порядок в тюрьме, если ни заключенным, ни охранникам терять уже нечего? Даже я не верю в такую беззаветную преданность личного состава — оставаться в тюрьме до последней минуты, чтобы сторожить уголовников... Во все времена были люди, готовые пожертвовать собой ради долга. Но они всегда знали, что это не бессмысленно. Что после них останется их дело, их товарищи, их страна, человечество, наконец. Теперь же...

Девушка молчала, но он заметил, как влажно блестят ее глаза. Она перехватила его взгляд, попыталась отвернуться, но тут предательская слеза сорвалась и покатилась по щеке. Конечно же, Эрика оплакивала вовсе не участь мертвых карманников...

Он придвинулся в ней, обнял за плечи, погладил по голове.

— Прости. Ты права, я совсем помешался на этой чертовой работе. Привез тебя сюда, чтобы порадовать, а сам...

— Нет, это ты меня прости, — ответила она; ее голос звучал почти нормально — видимо, ей удалось совладать с собой. — Ведь это я начала этот дурацкий разговор.

Он продолжал гладить ее по волосам. Она прижалась щекой к его груди. Но сквозь бронезилет он почти не чувствовал этого прикосновения.

— Знаешь, я никогда в детстве не плела венки из одуванчиков, как другие девчонки, — сказала она. — Мне было жалко их рвать.

— Теперь можно.

— Да, — согласилась Эрика, — но я не знаю как.

В этот момент в кармане его мундира, практически прямо ей в ухо, запел мобильный телефон. Девушка испуганно вздрогнула, отдернула голову, затем нахмурилась, узнав бравурную военную мелодию.

— Это Макс, — сердито сказала она. — Я думала, ты отключил мобильный.

— Для него я всегда на связи. Что делать!

— Не бери, а? — Она ухватила его за руку. — Или ска-

жи, что ты в отставке, и сразу отключись!

— Прости, милая. — Он легко преодолел ее сопротивление и вытянул надрывающийся аппарат из кармана. — Я должен услышать, что он скажет... Да, Макс, да. Что? Это точно? Ты гарантируешь, что они не переиграют? Значит, я могу сказать Эрике? Понял. Понял, Макс. Спасибо тебе!

— Почему ты не сказал ему, — недовольно начала она, но осеклась, увидев выражение его лица. Давно Эрика не видела на этом лице такой сияющей улыбки. Очень, очень давно.

— Ну вот и он, мой главный сюрприз! — сказал он. — Честно говоря, у меня было мало надежды. Но Макс лично подтвердил наше участие.

— Участие в чем?!

— Существует секретный проект. «Ковчег-два». Автоматная станция на Луне. Не для произведений искусства. Для людей. Понятное дело, для совсем небольшого их числа, около полусотни со всей планеты, потому что системы жизнеобеспечения больше не потянут.

— Шишки все-таки нашли себе лазейку! — гневно воскликнула Эрика, но осеклась, ибо наконец поняла. Да, за последние месяцы мысли о неизбежности гибели стали настолько привычными, что она поняла не сразу.

— Ну, в каком-то смысле, может, и шишки, — смущенно усмехнулся он, — но если ты имеешь в виду всех этих политиканов и миллиардеров, то большинство из них даже не в курсе. Часть персонала — лучшие ученые в различных областях, а еще часть, да, высшие офицеры служб безопасности. Те, кто обеспечивал порядок и возможность реализации этого проекта. Можно сказать, что это плата за лояльность, но без нее этот проект постигла бы та же участь, что и «Ковчег-один».

— Но ведь говорили, что спасение людей невозможно. Еще когда обсуждали «Ковчег-один». Технологии не позволяют выжить в космосе без снабжения с Земли.

— Это естественно. А что, по-твоему, должны были говорить? Ты представляешь, какая бы началась драка за места, какие силы были бы брошены, чтобы сорвать проект? «Не спасусь я — пусть не спасется никто!» — увы, так рассуждали бы очень, очень многие, включая лидеров отдельных стран, в том числе хорошо вооруженных.

— Но я — не великий ученый. Прошлый семестр, правда, закончила почти на отлично, не считая математики, но вряд ли этого достаточно. И уж тем более я не офицер безопасности. Неужели только из-за того, что ты...

— В общем, да. Я сказал им, что без тебя не полечу. Это не был ультиматум в обычном смысле, то есть я не говорил, что в случае отказа присоединюсь к погромщикам или выдам тайну проекта. Говорил, что все равно исполню свой долг до конца, и так бы и сделал. Но возможно, они сомневались в искренности этих слов. Хотя, конечно, этого было бы недостаточно. Просто ради меня тебя никто бы не взял. Но у тебя исключительно хороший генотип. Помнишь диспансеризацию в университете, когда у вас всех брали анализы? Большинство ученых и тем более старших офицеров — мужчины, и к тому же многие из них не слишком молоды. А кому-то нужно продолжать человеческий род. Поэтому третья группа — это молодые девушки с наилучшими генами.

ФАНТАСТИКА

— Я же много болела в детстве.
— Это не важно. Гены не всегда одинаково проявляются на фенотипическом уровне... ну, я не биолог, но так мне объяснили. В общем, ты им подходишь. Если бы я не обратил их внимание на тебя, возможно, взяли бы другую, но будем считать, что это наша общая заслуга. Ты понимаешь, Эрика? Мы не умрем!

— А как же разрушенные космодромы? — Она все не решалась поверить.

— Остался французский, на острове в тропиках. Вандалы до него не добрались.

— Но власть во Франции пала одной из первых.

— Вот сразу после этого космодром был взят под контроль нашими силами быстрого реагирования совместно с американцами.

— Так это все правда?

— Да.

— Правда?

— Да! У нас впереди не три дня, Эрика! У нас многие, многие годы!

— Ур-р-ра! — Девушка вскочила и закружилась по траве, подняв лицо к небу. Мужчина тоже поднялся и с улыбкой смотрел на нее. Затем она снова бросилась к нему на шею: — Спасибо, спасибо, спасибо!

Он понимал, что скоро она вспомнит о том, что Земля все-таки обречена. Вспомнит о самоубийстве ее матери, не выдержавшей мук ожидания, и обо всех, кого больше не увидит. Задумается о том, каково это — провести всю жизнь в замкнутом мирке космической станции, о том, от кого ей предстоит рожать детей и насколько она будет свободна в выборе. Но пока что она абсолютно счастлива. И он знал, что медлить не стоит, но не мог заставить себя решиться.

Затем ее объятия ослабели.

— Но одуванчики я вижу в последний раз.

— Мы возьмем с собой семена растений. В первую очередь, конечно, культурных, но не только. Не думаю, что несколько семян одуванчика утяжелят ракету.

— Это здорово! — Она опять улыбнулась. И он торопливо, пока следующие очевидные мысли не погасили эту улыбку, произнес:

— Знаешь, милая, у меня есть еще один сюрприз для тебя.

— Еще? — Она совсем по-детски распахнула глаза. — Неужели может быть сюрприз лучше предыдущего?

— Ну, не лучше, конечно, но все-таки. Я специально берег для такого случая. Только ты должна отвернуться!

— Хорошо! — Эрика охотно подчинилась и замерла в предвкушении, полагая, вероятно, что он собирается надеть ей на шею какое-нибудь украшение. Конечно, по сравнению с новостью о спасении это был сущий пустяк, но ей с детства нравился сам процесс получения подарка.

— Чур, не подглядывать! — предупредил он.

— Я буду смотреть на одуванчики, — беспечно откликнулась она.

Мужчина вытянул из кобуры пистолет и аккуратно, без щелчка, снял его с предохранителя.

— Ты — мое главное сокровище, Эрика, — тихо сказал он. — Я так люблю тебя.

— Это и есть твой сюрприз? — кокетливо промурлыкала она.

— Нет. Мне просто захотелось тебе это сказать.

— Я тоже очень люблю тебя, папа!

Он выстрелил ей в затылок.

Словно марионетка, у которой разом перерезали веревочки, девушка беззвучно повалилась лицом в одуванчики. Мужчина убрал пистолет в кобуру, повернулся и зашагал туда, где за деревьями оставил бронемашину. Он ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на тело дочери, распростертое среди солнечно-желтых цветов.

На самом деле, конечно, никакого лунного проекта не было. Эта идея обсуждалась и была отвергнута с самого начала. Во-первых, за оставшийся с момента обнаружения Танатоса срок построить такую станцию было нереально. Во-вторых, после столкновения Луна подвергнется массивной бомбардировке обломками Земли и Танатоса и, даже если станция избежит прямого попадания, сейсмические колебания от этих ударов разрушат любую подобную постройку. В-третьих, слова об отсутствии технологий, позволяющих обеспечить неограниченно долгую жизнедеятельность станции без снабжения с Земли, были чистой правдой.

А Макс и в самом деле не знал о его отлучке. Не мог знать. Железный Макс Хаммер, ветеран ближневосточных войн, кавалер трех высших военных орденов Республики, Председатель Чрезвычайного Комитета, был найден этим утром лежащим на столе в своем кабинете с дырой в виске, проделанной из личного наградного пистолета. В записке было четыре слова: «Прости. Я не смог».

Фактически эти четыре слова были приказом о назначении на новую должность. Но порядок, заведенный Максом, был так надежен, что первым решением, принятым новым Председателем в новом качестве, стало решение о собственном отпуске. Он мог себе это позволить. Три часа на устройство личных дел.

А тот самый звонок от Макса — конечно, простое использование функции будильника; надо было только поменять мелодию. Это позволило разыграть спектакль перед Эрикой и одновременно напомнить себе, что время отпуска истекает. Теперь оно истекло окончательно, и он должен вернуться в город. До столкновения с Танатосом остается три дня, и, значит, у него все еще много работы.

